

УДК 821.112.2-3 + 821.14'02-13

**ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГОМЕРОВСКОГО МИФА КАК СПОСОБ
ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РОМАНЕ
К. КРАХТА «FASERLAND»**

Ю. О. Овсянникова

Тверской государственной университет
кафедра теории литературы

Целью данной работы являлось исследование комплекса мотивов, цитат и прочих структурных элементов в романе К. Крахта «Faserland», отсылающих к гомеровскому мифу. Проведенный анализ позволяет прийти к следующему выводу: «Одиссея» Гомера является в романе К. Крахта не столько основой для сюжетопостроения, сколько некой точкой отталкивания и материалом для деконструкции. Сюжеты гомеровского эпоса травестируются, «переворачиваются», как в мениппее, описанной М. Бахтиным. Гомеровский миф в «Faserland» К. Крахта становится основой для деконструкции, разрушения канонов построения пространства в романе-путешествии. Такой метод создания художественного мира является практическим подтверждением идей и эстетических установок, декларируемых в манифесте поп-квинтета «Tristesse Royale», который создавался по инициативе и при непосредственном участии К. Крахта.

Ключевые слова: *современный немецкий роман, мотивный анализ, поколение «Гольф», травестированный сюжет, деконструкция мифа.*

Роман К. Крахта «Faserland», опубликованный в 1995-м году, многие читатели и критики относят к «каноническим» и «важнейшим немецким романам 1990-х». Но этот текст до сих пор не стал объектом серьезных литературоведческих интерпретаций и исследований ни в Германии, ни в России, где роман был издан в 2001-м году небольшим тиражом в 7000 экземпляров.

Причина отсутствия филологических работ, посвященных роману К. Крахта, – литературная репутация автора и созданного им текста. В критике К. Крахта принято относить к так называемому «поколению Гольф», или «поколению молодых» в современной немецкой литературе. В 1999-м году К. Крахт вместе с Иоахимом Бессингом, Экхартом Никелем, Александром фон Шенбургом, Беньямином фон Штукрад-Барре объявили о создании поп-квинтета и написали манифест под названием «Tristesse Royale» («Королевская грусть») в берлинской гостинице «Адлон». В манифесте идет речь о поколении «тридцатилетних», зараженных «ярлычковой» болезнью (маниакальной привязанностью к брэндам и лейблам), о крахе европейских ценностей и вырождении современной литературы [8]. Декларативный отказ от традиций, нарочитая провокативность, установка на эпатаж создали поп-квинтету во главе с К. Крахтом репутацию «литературных хулиганов», и их тексты относят к андерграунду немецкой литературы. Вопрос о

художественной, эстетической значимости этих текстов остается открытым, и ответ на него явно требует временной дистанции.

Роман К. Крахта «Faserland» получил в отзывах критиков диаметрально противоположные оценки: от восторженных до негативных, вплоть до отказов считать роман фактом литературы. Часть критиков посчитала, что текст Крахта – «хорошо просчитанный аморализм» [6], Густав Зайбт, напротив, назвал роман «логичным ответом на тот аспект жизни общества всеобщего процветания, который из-за медиа, потребления и музыки стал полностью искусственным» [7, с. 6]. Многие восприняли как издевку, насмешку над читателем сам тип героя, предложенный автором: повествование в романе ведется от первого лица, герой К. Крахта – человек «потерянный», живущий в мире вещей, брэндами и ярлычками. Он путешествует по стране без цели и без заранее определенного маршрута. Пункты его пребывания – это кафе, клубы, притоны, и отсутствие сюжета компенсируется перечнями алкогольных и дизайнерских марок, подробными отчетами об алкогольных абстиненциях главного героя.

Критики подметили и другое: за внешне бессюжетным повествованием «Faserland» кроется огромное поле цитат, и роман интересен диалогом с литературными текстами, с известными культурологическими и философскими трудами. Так, в послесловии к русскому тексту романа К. Крахта переводчик Т. Баскакова, обозначив отсылки к Э. Юнгеру и Т. Манну, проводит параллели с «Божественной комедией» Данте. По мнению переводчицы, «отдельные эпизоды у Крахта не только в определенном смысле соответствуют эпизодам «Божественной комедии», но и выстроены в том же порядке» [2, с. 232]. Т. Баскакова предлагает следующую схему композиции романа К. Крахта: преддверие ада – остров Зильт, первый круг ада (отверженные) и второй (вождедеющие) – это портовый Гамбург. Сев в самолет, герой попадает в третий круг ада Данте, где обретаются обжоры. Четвертый круг ада (скупцы и расточители) – финансовая столица Германии Франкфурт. Пятый круг (несдержанность и злоба) – город Гейдельберг, шестой (еретики) – поляна, где собираются неформалы, седьмой (насилыники) – город Мюнхен, восьмой круг (льстецы и дурные советчики) – имение на Боденском озере. Здесь же находится и девятый круг (предатели). В восьмой главе герой оказывается в чистилище.

«Герой путешествует, то и дело меняя свои планы и, соответственно, избранный им самим маршрут (и перемещаясь из одного "круга ада" в другой) под воздействием неких "посредников" или "наблюдателей"...», – отмечает Т. Баскакова [2, с. 232]. Такими «посредниками» являются Карин и Серхио, попутчик в поезде на Гамбург, шофер в Гамбурге, сексуальный извращенец с татуировкой в клубе, приятель героя Александр, хозяин гостиницы и друг Ролло.

Однако обозначенная сюжетная схема может быть проинтерпретирована и в ином литературном и культурном поле – в поле античных мифов, к которым неоднократно отсылает текст К. Крахта. Все топонимы, названия марок и брэндов в романе «Faserland» являются семантически наполненными. И, несомненно, неслучайно, что в одной из заключительных глав романа герой оказывается на Мурphenquai, Набережной мифов. «Я думаю о том, как очаровательно и старомодно звучат здесь слова –

как если бы швейцарцы обращались с немецким языком совсем иначе, чем мы (исходя из его сокровенной сути, хочу я сказать)», – комментирует герой название улицы [4, с. 228].

В тексте К. Крахта присутствует несколько цитат-маркеров, отсылающих к античным мифам, в частности, к мифу гомеровскому. Герой «Faserland» неоднократно вспоминает о греческом архипелаге Киклады: в «Одиссее» Гомера не говорится о точном местонахождении пещеры циклопа Полифема, но в современной туристской мифологии ее принято *помещать* на один из кикладских островов. Рассуждение героя о смысле странствий, перемещений в пространстве каждый раз связано с греческим островом Миконос, входящим в тот же Кикладский архипелаг. Наконец, вспомним, что именно на Кикладах согласно легенде находится могила легендарного Гомера. Связь с гомеровским мифом актуализируется, когда, прибыв в Швейцарию, герой ищет могилу Томаса Манна – апология памятных мест оказывается для него значимой. И это вновь ориентирует читателя на поиск в романе К. Крахта литературных параллелей и отсылок.

Приятель героя и его старший наставник Никель сравнивается с учителем древнегреческого языка, что соответствует авторитетной функции мифологической цитаты. Мечтая о браке с Изабеллой Росселини и перебирая в памяти острова, на которых он хотел бы поселиться вместе со своей возлюбленной, герой в том числе вспоминает об «островах южных морей».

Само заглавие романа, которое концентрирует в себе несколько значений, оказывается продуктивным при интерпретации романа с оглядкой на гомеровскую мифологию. «Faserland» – англицизированный вариант немецкого слова Vaterland (Отечество), относящийся к молодежному сленгу. Но слово «Faser» может быть переведено с немецкого и как «волокно», «клетчатка», «частица ткани». Таким образом, «Faserland» – это не просто сленговое обозначение Отечества, это еще и «страна волокна, тканной основы». Тканые вещи, «тряпки» (Klamotten) в романе оказываются индексальными знаками героя и его «проводников» и «проводниц» в путешествии по Германии.

Первая из этих «проводников» Карин – любительница платков «Hermes». Эта незначительная, на первый взгляд, деталь становится своего рода ключом к начальному эпизоду романа: герой начинает свой путь на острове Зильт, и соблазнительная красавица Карин противится его отъезду. Платок «Гермес» на шее Карин вызывает у героя поток воспоминаний о детстве – об играх с неизвестной девочкой на солнечном морском пляже в Кампене. Именно воспоминания, если проследить за пространственными перемещениями героя, являются каждый раз катализаторами странствий, которые происходят спонтанно, без видимой цели и логики.

Но посмотреть на путешествие героя по Германии через призму гомеровских мифов позволяют не только отдельные цитаты-маркеры, но и структура романа в целом, и структура отдельных эпизодов.

Как уже было сказано, путешествие героя К. Крахта начинается на острове Зильт. Отъезду противится Карин, которая нравится герою. Ее индексальный знак в текст – яркий платок «Hermes». В этом эпизоде легко обнаруживаются литературные параллели: путешествие Одиссея в эпосе

Гомера начинается на острове Огигия, где герой находится в плену нимфы Калипсо. Отметив схожесть имен женских персонажей – Карин и Калипсо, укажем на важное совпадение двух эпизодов эпоса Гомера и романа К. Крахта. Из плена нимфы Одиссея спасает бог Гермес: именно он приказывает Калипсо отпустить Одиссея на свободу. Платок от «Hermes» становится в романе К. Крахта, в свою очередь, неким связующим звеном между прошлым и настоящим героя, он провоцирует поток воспоминаний, которые и определяют дальнейший маршрут героя.

Следующий эпизод «Faserland» – приключения героя в Гамбурге – соответствует пребыванию Одиссея в земле феаков. На Одиссея обращает внимание дочь царя Антиноя Навсикая. Одиссея ведут во дворец: здесь в его честь устраивается роскошный пир, герой рассказывает Антиною о своих странствиях. На пирах феаки ведут себя невоздержанно.

В романе «Faserland» землей феаков становится Гамбург, а о своем путешествии герой рассказывает гостеприимному Нигелю: «квартира выглядит так, как если бы в ней жил старый школьный учитель – такой задохлик с кожаными заплатками на руках; чудак, который постоянно заваривает себе чай, потом ставит чашку куда попало, и забывает выпить, и заваривает чай снова. У него из ушей торчат пучки поседевших волос, и, собственно, в школе все смеются над ним, но уволить не могут, потому что он преподает древнегреческий и иврит, а каждый год находятся два-три ученика, интересующихся подобными прибабасами» [4, с. 62]. Здесь, в Гамбурге, герой знакомится с симпатичной девицей: это происходит в туалетной комнате клуба, где «над раковиной висит большое зеркало. На стене горит бра в виде пары свечей, и все вместе напоминает пещеру, надежное убежище» [4, с. 64]. Знакомство оказывается неудачным: девицу тошнит. Пир в доме Нигеля заканчивается групповой оргией, из-за чего обескураженный герой принимает решение отправиться во Франкфурт.

Пребывание героя в студенческом Гейдельберге может быть связано с эпизодом борьбы Одиссея с циклопом Полифемом. Пещерой циклопа в романе К. Крахта становятся лабиринты клуба, а таящим угрозой Полифемом – Ойген: «... Его лицо наклоняется к моему – так близко, что мне это не в кайф, – и изо рта у него несет пивом, и я вижу, что шея вокруг его кадыка, который ходит взад и вперед, пока он со мной разговаривает, толком не выбрита. Она покрыта такой короткой черной щетиной. У него огромный шрам» [4, с. 121]. Ойген заманивает героя в комнату и предпринимает попытку его соблазнить: «...Он очень сильный, и когда я начинаю вырваться, его рука соскальзывает вниз, крепко обхватывает мое колено, и я падаю навзничь. Я мигом поднимаюсь на ноги, бормочу что-то невразумительное и выскакиваю из комнаты. Вслед мне несется лошадиное ржание. Спускаясь по лестнице, я замечаю, что колени мои все еще дрожат» [4, с. 123].

Путешествие в романе «Faserland» завершается у Боденского озера. Именно здесь герой романа предается рефлексии о сути перемещений в пространстве. Он вспоминает поездку на греческий остров Микonos: «Этот остров, собственно, представляет собой груды голых желтых камней посреди сине-зеленого Эгейского моря – уже неплохо, да? – и на нем можно сделать массу интересных наблюдений...» [4, с. 200].

Путь Одиссея имеет конечную цель – остров Итака, дом. Путешествие героя К. Крахта по «Faserland», Отечеству, волоконной стране – путь без цели. Маршрут определяет не стремление к конечному пункту, а поток воспоминаний и спонтанно рождающихся ассоциаций. «Это клево – мотаться по захолустным местам, где тебя абсолютно никто не знает. И никто даже не догадывается, чего, собственно, тебе там надо. Это никакой не туризм. И не деловые поездки. Потому что не существует разумных причин, чтобы летать в страны третьего мира, – если, конечно, ты не занят делом, которое как таковое уже давным-давно превратилось в анахронизм: праздношатанием», – рассуждает герой [4, с. 202].

Итак, если искать некие литературные параллели к сюжету, мотивам и образам романа К. Крахта, то в числе текстов – источников окажется не только «Божественная комедия» Данте, но и «Одиссея» Гомера. Целый ряд эпизодов «Faserland» основан на сюжетах и мотивах гомеровского эпоса, к ним отсылают соответствующие цитаты-маркеры. Гомеровский миф является в романе К. Крахта не столько основой для сюжетопостроения, сколько некой точкой отталкивания и материалом для деконструкции. Сюжеты гомеровского эпоса травестируются, «переворачиваются», как в мениппее, описанной М. Бахтиным. Деконструкция мифа становится в романе К. Крахта источником «скандалов, эксцентричного поведения, неуместных речей и выступлений, то есть всяческих нарушения общепринятого и обычного хода событий, установленных норм поведения и этикета, в том числе и речевого» [3, с. 135].

Бог Гермес в романе становится названием брэнда, мудрый царь Алкиной – сатиropодобным Никелем, пир во дворце – оргией в квартире Никеля, красавица Навсикая – пьяной девицей, мучимой приступом тошноты, циклоп Полифем – сексуальным извращенцем. Одиссей путешествует с Запада на Восток – путь героя К. Крахта лежит в перпендикулярном направлении, с Юга на Север. Одиссей у Гомера возвращается домой, герой К. Крахта, мечтающий о жизни на острове, в финале романа оказывается за границей, в Швейцарии. А в символическом плане его путь и вовсе выходит за границы географического пространства: в последней главе, заплатив перевозчику, герой садится в лодку и едет по Боденскому озеру. Роман завершается на словах: «Скоро мы будем на середине озера. Скоро...» [4, с. 224].

Гомеровский миф в «Faserland» К. Крахта становится основой для деконструкции, разрушения канонов построения пространства в романе-путешествии. Такой метод создания художественного мира является практическим подтверждением идей и эстетических установок, декларируемых в манифесте поп-квинтета «Tristesse Royale», который создавался по инициативе и при непосредственном участии К. Крахта. Мысль об исчезновении европейских культурных ценностей, замененных потреблением, миром вещей становится не просто предметом авторской рефлексии К. Крахта, но и определяет направление его эстетических поисков. Она является отправной точкой для экспериментов с литературными текстами – предшественниками, и в качестве главного метода выбирается деконструкция, то есть «особая стратегия по отношению к тексту, включающая в себя одновременно и его «деструкцию», и его реконструкцию» [5, с. 75]. Очевидно, что все дискуссии вокруг романа К. Крахта и

разноречивость данных ему оценок в конечном счете сводятся к спору о допустимости/ недопустимости подобного метода в создании художественного текста и продуктивности предложенной К. Крахтом модели в развитии современной немецкой литературы.

Список литературы

1. Баскакова, Т. «Параллельная литература» в Германии рубежа тысячелетий : романы Кристиана Крахта и их культурный контекст [Текст] / Т. Баскакова // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67. – С. 267–306.
2. Баскакова, Т. Послесловие переводчика [Текст] / Т. Баскакова // К. Крахт. Faserland. – М. : Ad Marginem, 2001. – С. 230–236.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Советская Россия, 1979. – 318 с.
4. Крахт, К. Faserland [Текст] / К. Крахт. – М. : Ad Marginem, 2001. – 238 с.
5. Руднев, В. Словарь культуры XX века [Текст] / В. Руднев – М. : Аграф, 1997. – 385 с.
6. Herrmann, K. Christian Kracht: Der gelbe Bleistift. Ein Dandy in der weiten Welt [Электронный ресурс] / K. Herrmann // Titel-Magazin. – 2000. – 21 Juni 2000. – Режим доступа: <http://www.asta.uni-konstanz.de/literatur/kracht/rezens/bleist/titel.html>. – Дата обращения: 18.03.2013. – Загл. с экрана.
7. Seibt, G. Jugendstil des Jahren 2000 [Текст] / G. Seibt // Die Zeit. – 2000. – № 68. – S. 6.
8. Tristesse, R. Das popkulturelle Quintett [Текст] / R. Tristesse – München : Econ Ullstein List Verlag, 2001. – 201 s.

DECONSTRUCTION OF HOMER'S MYTH AS A WAY OF ORGANIZING OF ART SPACE IN THE NOVEL OF CHRISTIAN KRACHT «FASERLAND»

Y. O. Ovsyannikova

Tver State University

The department of theory literature

This paper focuses on the problem of the representation of Homer's myth in the novel «Faserland» by Christian Kracht. The analysis of this work showed that the «Odyssey» is not the basis of the plot, but the material for the deconstruction. The plots of the myth are transformed and «roll over». The canons of journey-novel are destroyed again and again in the novel of Kracht. So the structure of the novel becomes a practical confirmation of the theory, which was presented in the Manifesto «Tristesse Royale».

Keywords: *modern German novel, motivic analysis, «Golf»-generation, transformation of the plot, deconstruction of the myth.*

Об авторе:

ОВСЯННИКОВА Юлия Олеговна – аспирант кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: yuliyaovsyannikova@yandex.ru